

От науки к политике: судьбы участников студенческих объединений Санкт-Петербургского университета 1880-х гг.

Д. А. Баринов, Б. М. Абдулина

Аннотация. Студенчество Санкт-Петербургского университета имперского периода являлось не только источником кадров для ученого сообщества или царской бюрократии, но и той средой, где зарождались будущие политики самых разных направлений. Значительную роль в формировании политических взглядов студентов играли кружки, которые в 1880-е гг. переживали расцвет своей деятельности. В публикации прослеживается, какой политический путь проделали лидеры таких научных организаций, как Научно-литературное общество, Кружок Ольденбурга и кружки, созданные студентами с национальных окраин. Также обращается внимание на то, как представители разных типов студенческих организаций относились к научно-просветительской и политической деятельности.

Ключевые слова: студенческое Научно-литературное общество, Кружок Ольденбурга, студенческое движение, Санкт-Петербургский университет.

Abstract. Not only did students of the St. Petersburg University of the Imperial period become members of scientific personnel or imperial bureaucracy, but they also formed the environment in which they could share their political views. Politicians of different views came out of this environment. The circles flourishing in the 1880s played a significant role in the formation of students' political views. In this article we will observe which political paths were chosen by the leaders of such circles as Scientific and literary society, the Oldenburg's circle and the circles organized by students from remote regions. We will also try to find out how students of different political views have introduced new functions to scientific communities.

Key words: Scientific and literary society, the Oldenburg's circle, student movement, St. Petersburg University.

Санкт-Петербургский университет второй половины XIX в. играл важную роль как в научной, так и в общественной жизни империи. На 1880-е гг. пришелся первый расцвет деятельности студенческих организаций. Часто создаваясь как чисто научные общества, студенческие объединения становились стартовой площадкой для будущей политической карьеры молодежи. В настоящей публикации будут рассмотрены различные типы перехода от науки к политике в период, начавшийся после 1 марта 1881 г., и до конца 1880-х годов.

Деятельность студенческих организаций 1880-х гг. оставила яркий след в отечественной истории и нашла заметное отражение в историографии. Интерес к этой теме возник еще до революции. Из посвященных собственно студенческим организациям следует назвать книгу С. П. Мельгунова ¹; для реконструкции мнений правительства по университетскому вопросу важны работы А. И. Георгиевского ², С. В. Рождественского ³. Советская историография, несмотря на известную тенденциозность, представлена работами, задавшими основные векторы в изучении темы. Отметим только наиболее важные из них, с нашей точки зрения. Так, Г. И. Щетинина в монографии «Университеты России и устав 1884 г.» рассматривает деятельность Министерства народного просвещения по отношению к университетской корпорации как «университетскую контрреформу», указывая на излишнюю бюрократизацию в управлении высшей школой ⁴. С другой стороны, внимание исследователей привлекала тема студенческого движения, во многом связанная с революционной борьбой. Основанные на богатом фактическом материале, их работы позволили составить представление о повседневных практиках членов студенческих, прежде всего радикальных, организаций ⁵. Университетский вопрос в России становился также объектом внимания зарубежных историков ⁶. На современном этапе можно говорить о многоаспектном изучении отечественной высшей школы. Обращаясь собственно к теме студенческих организаций, следует назвать работы О. Б. Вахромеевой ⁷, Д. А. Завьялова ⁸, А. Е. Иванова ⁹, Н. Я. Олесич ¹⁰, Е. А. Ростовцева ¹¹ и других современных ученых, в которых пересматриваются оценки советской историографии, а также выявляются новые проблемы истории студенческого движения в дореволюционной России (в частности деятельность неполитических кружков или революционных групп, не связанных с социал-демократическим движением). Весомый вклад в развитие темы истории высшей школы по-прежнему вносят зарубежные исследователи ¹².

Путь 1. Революционный. Наиболее скоротечную политическую «карьеру» сделали участники террористического народнического движения, которые начинали свою деятельность с работы в научных кружках. В 1882 г. при столичном университете было создано легальное Научно-литературное общество (НЛО), возглавляемое профессором и филологом О. Ф. Миллером и его заместителем, известным юристом, профессором Н. Л. Дювернуа. Согласно мнению, утвердившемуся в историографии, общество явилось противовесом нелегальным студенческим организациям и должно было занимать студентов научными изысканиями, отвлекая от подпольной политической борьбы. Разумеется, в официальных доку-

Баринов Дмитрий Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: barinovdima1990@yandex.ru; *Абдулина Белла Марсельевна* – бакалавр IV курса Института истории СПбГУ. E-mail: abdulinabe97@mail.ru.

Barinov Dmitriy A. – PhD (History), researcher at the Institute of History, St. Petersburg State University. E-mail: barinovdima1990@yandex.ru; *Abdulina Bella M.* – IV year bachelor of the St. Petersburg State University, Institute of History. E-mail: abdulinabe97@mail.ru.

ментах подчеркивалась исключительно научная мотивация создания общества: «Члены их сходятся между собой вполне случайно, и не связаны никакими внешними интересами... необходимо образоваться значительному, сплоченному кругу молодежи, единение которого зиждилось бы... на основе общих, высоких идей»¹³.

Однако реальная деятельность НЛО и поведение его участников значительно отличались от заявленных официально. Член общества А. А. Корнилов вспоминал: «Вскоре после открытия обнаружилась скрытая цель общества – сплотить те элементы студенчества, которые могли бы деятельно противиться весьма распространенной в студенческой среде революционной пропаганде. Как только эта скрытая цель обнаружилась, произошел раскол и разлад, поведший к выходу из его состава большей части его учредителей»¹⁴. Вероятно, слова Корнилова являлись до определенной степени преувеличением, однако несомненно, что помимо студентов, сторонившихся политики и желавших заниматься наукой, общество притягивало к себе и революционно активную молодежь. При этом попытки отдельных членов заявить, что основной целью общества является борьба с левым студенчеством и помощь в построении будущей карьеры, вызвали всеобщую негативную реакцию¹⁵. Большинство сторонников подобных «правых» идей были вынуждены покинуть общество. Некоторые из них являлись членами монархической «Священной дружины» (отметим, что среди «дружинников» – членов НЛО – были также известные в будущем консервативные деятели: А. А. Бобринский – член Государственного совета и попечитель С. – Петербургского учебного округа, И. И. Толстой – министр народного просвещения, адмирал А. Ф. Гейден, промышленник С. С. Абамелек-Лазарев).

Несмотря на то, что председатель НЛО – профессор О. Ф. Миллер – был бесконечно далек от революционного радикализма, власть смущали его славянофильские убеждения. Так, в декабре 1885 г. И. Д. Делянов сообщил попечителю учебного округа И. П. Новикову, что в своих лекциях «судить и разбирать поэтов Пушкина и Лермонтова он (О. Ф. Миллер. – Д.Б., Б.А.) будет не по их внутренним достоинствам, а потому насколько каждый из них преклоняется перед народом и служит ему». Особенное возмущение министра вызывала будто бы высказанная профессором мысль о том, что вышеназванных великих поэтов «загубила «чернь, не та чернь, которую мы привыкли так называть, а настоящая та сволочь, плавающая с комфортом, повторяю, сволочь плавающая с комфортом»»¹⁶. В 1887 г. Миллер был отстранен от преподавания в связи с тем, что в лекции, посвященной кончине М. Н. Каткова, осудил политику государственно-консервативного абсолютизма, проводимую правительством. Он отказался дать письменное изложение своей лекции по требованию попечителя учебного округа, но опубликовал ее в газетах. Делянов назвал такой поступок «присвоением себе ничем не ограниченной свободы слова на кафедре». Миллер, в свою очередь, говорил о профессорской совести и обязанности делиться своим «мнением и сомнением» со слушателями лекций¹⁷. Этот инцидент послужил поводом для отстранения Миллера. Основной же причиной этого шага послужили связи возглавляемого им НЛО с кружком А. И. Ульянова.

Необходимо отметить, что в определенной степени изначальные цели общества были реализованы – в его рамках свою научную карьеру начали будущие крупные ученые: В. И. Вернадский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Корнилов, И. М. Гревс, М. А. Дьяконов и др. Однако во второй половине 1880-х гг. в ряды общества проник и революционный «элемент» – в частности, секретарем общества был избран А. И. Ульянов, с докладами выступали В. В. Водовозов, В. В. Бартнев; членами НЛО также были П. А. Шевырев, И. Д. Лукашевич, П. И. Андреюшкин, В. Д. Генералов, М. Н. Канчер и др., т.е. почти весь актив будущих вторых «первомартовцев»¹⁸.

Пользуясь прикрытием Научно-литературного общества и созданного впоследствии Союза землячеств, а также связями, заведенными в нем, будущие народники смогли через широкую сеть землячеств организовать подпольную структуру, которая ставила перед собой радикальные политические задачи. Первоначально они заключались в организации демонстраций (крупнейшая – в феврале 1886 г. по поводу годовщины смерти Н. А. Добролюбова), изучении и распространении нелегальной литературы (специальная библиотека находилась на квартире Ульянова). Впоследствии сторонники Ульянова встали на путь революции, создав «Террористическую фракцию партии «Народная воля»», подготовившую покушение на Александра III.

Разумеется, в этот период в университете были и другие заметные революционные общества (Кружок Благоева, Центральный кружок Народной Воли), но они изначально позиционировали себя как политические, а не научные, и на этом основании остались за рамками настоящего исследования.

В итоге, можно говорить, что студенты, осознавшие необходимость революционной борьбы, пользовались легальными структурами научных обществ, в которых состояли на тот момент, либо пытались навязать политическую повестку сообществам, которые изначально ставили перед собой иные цели (землячества). Судьба студентов, вставших на радикальный путь борьбы и вошедших в состав Террористической фракции, довольно печальна: члены ядра вторых «первомартовцев» были казнены в 1887 году. Та небольшая часть, что пережила каторгу, не вернулась в политику (за исключением М. В. Новорусского, ставшего эсером, и Ю. Пилсудского, вошедшего в ряды Польской социалистической партии).

Путь 2. Вне политики. Другим студенческим обществом, ставившим перед собой исключительно научные задачи, стал Ольденбургский кружок. Его принципиальное отличие от НЛО состояло в том, что он не был разрешен властями, а был сформирован университетскими товарищами без присмотра со стороны профессуры. Среди участников кружка были известные в будущем ученые и общественно-политические деятели: братья С.Ф и Ф. Ф. Ольденбурги, А. А. Корнилов, Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский, А. А. Кауфман. Кружок ставил перед собой задачу изучения народной литературы, ведения научных дискуссий, а также сотрудничества с Комитетом грамотности при Вольном экономическом обществе¹⁹. При этом члены кружка Ольденбурга активно участвовали и в деятельности НЛО.

Кружок не только декларировал свой отказ от политической деятельности, его члены старались на деле противодействовать политическому радикализму и студенческой фронде: в ноябре 1882 г. они выступали против сходки, однако, согласно воспоминаниям, вместе с «бунтарями» были задержаны полицией²⁰. Члены кружка позиционировали себя как своеобразный резерв научной интеллигенции и готовились к общественной деятельности, но только в будущем. Вот как излагал подобные идеи Шаховской: «... мы собирались заниматься все такими важными материями, разгадывать такие глубокие тайны, решать столь общие вопросы – о судьбе России, о свойствах русского народа»²¹.

В это же время, вероятно, через участие в работе Научно-литературного общества члены кружка Ольденбурга имели неплохие личные контакты с кружком Ульянова. Например, обе группы поддержали В. И. Семевского, после запрета чтения его курсов по русской истории (впоследствии Корнилов посвятит народнику Семевскому несколько комплиментарных статей). Им работа в научном кружке помогла укрепить неформальные связи и выработать общую политическую идеологию, которой они оставались верны долгие десятилетия²². Немалую роль в сохранении этих связей сыграло созданное на базе кружка Приютинское братство²³.

Между тем, кружок Ольденбурга не был единственным в своем роде, с начала 1880-х гг. в университете под руководством С. Ф. Платонова действовал «Кружок русских историков», который также сознательно сторонился политической активности. Расхождения между этими двумя кружками стало важным фактором в формировании будущего уклада университетской жизни. Как отмечает Е. А. Ростовцев: «Противостояние, начавшееся в это время, в дальнейшем во многом сформировало как расстановку сил в научном мире «петербургской исторической школы», так и внутрикорпоративные отношения на историко-филологическом факультете, а отчасти и «партийные» отношения между «кадетами» и «консерваторами» в университетском мире в 1900-е – 1910-е гг.»²⁴.

Несмотря на схожесть поставленных перед кружками задач «ольденбургцы» все же пошли дальше чисто научной карьеры и в отличие от «русских историков» оставили заметный след не только в науке, но и в политической жизни империи. А. А. Корнилов, В. И. Вернадский, А. А. Кауфман, С. Ф. Ольденбург, Д. И. Шаховской, И. М. Гревс, А. С. Лаппо-Данилевский были заметными деятелями либерального движения страны и выступили одними из основателей кадетской партии. С. Ф. Ольденбург и Шаховской впоследствии стали министрами Временного правительства. Только С. Е. Крыжановский приобрел более консервативные взгляды и после 1905 г. стал ближайшим соратником П. А. Столыпина, получив пост товарища министра внутренних дел и государственного секретаря.

Путь 3. В борьбе за национальное освобождение. Отдельного рассмотрения заслуживают студенческие общества, созданные по национальному принципу, прежде всего, наиболее заметные из них, организованные латышами и эстонцами.

Ярким примером активной деятельности национальных организаций 1880-х гг. является деятельность кружка студентов-латышей²⁵, состав которого, как покажет время, был действительно выдающимся. В него

входили будущий поэт Я. Райнис (Плиекшанс), революционер, правовед и государственный деятель П. И. Стучка, будущий член большевистской партии В. В. Курнатовский²⁶.

Стучка являлся студентом юридического факультета и вместе с другими студентами (среди которых был и Ян Райнис) участвовал в выпусках периодического издания на латышском языке «Dienas Lapa» («Ежедневный листок»), которое являлось важной частью национально-освободительного движения Латвии конца 1880–1890-х годов. Газета публиковала как статьи на злободневные темы, так и переводы художественных произведений и литературную критику²⁷. При этом основной посыл материалов был направлен не против России, а, как вспоминал Райнис, против «немцев и их господства»²⁸.

Постепенно издательский коллектив «Ежедневного листка» существенно расширился за счет студентов и представителей латышской интеллигенции не только столицы, но и провинции. Результатом этого укрупнения стало образование движения «Jaunā strāva» («Новое течение»). Изначально в него входили как либералы, так и социалисты (имевшие контакты с кружками рабочих). Но под давлением последних «Ежедневный листок» приобретал все более левый «окрас»²⁹.

Представителем студентов-латышей в Союзе землячеств 1880-х гг., руководимом Ульяновым, был рижанин В. К. Курнатовский. Исследователи отмечают, что он принимал участие в деятельности Союза, вел пропаганду среди рабочих за Невской заставой³⁰ и определенно имел связи с террористами-народниками. Тем не менее, следствие, проведенное после неудавшегося покушения на императора, не выявило оснований для тюремного заключения Курнатовского, поэтому власти ограничились его отчислением из университета и в качестве «неблагонадежного» передали под надзор полиции. Впоследствии было принято решение о его высылке и запрете на поступление в высшие учебные заведения, а также проживание в университетских городах³¹.

Активной политической деятельностью отличалось эстонское студенчество. С начала 1880-х гг. в Петербурге существовал «Кружок друзей», создатели которого, как и студенты-латыши, преследовали исключительно просветительские цели. Первоначально численность кружка была крайне небольшой – около полутора десятков студентов университетов и учащихся Духовной академии. Кружковцы проводили собрания, участвовали в мероприятиях, проводимых Эстонским благотворительным обществом. Постепенно активность «Кружка друзей» начала сходиться на нет, однако деятельность студентов университета Г. А. Эрьяпеа и А. Ф. Томбаха способствовала его сохранению³². Нелегальная по своей сути деятельность не помешала первому успешно закончить университет, по окончании которого он получил справку о своей непричастности к деятельности противоправительственных организаций³³.

В середине 1890-х гг. студенты стали занимать главенствующую позицию в «Кружке». Его главой был избран Я. Теэмант, который в 1920–1930-х гг. дважды станет президентом независимой Эстонии. Видным участником кружка являлся В. Лендер – первый эстонец, градоначальник Ревеля.

Эстонские и латышские организации – наиболее яркие, но не единственные примеры внедрения научных и образовательных практик в по-

литуку. Для последних десятилетий XIX – начала XX в. были характерны многочисленные студенческие кружки, связанные с разными национальными группами (украинцы, поляки, евреи, белорусы и др.). Деятели таких научных и просветительских студенческих объединений стали заметными фигурами в истории национальных республик в революционный и постреволюционный периоды.

В заключение необходимо определить, какую роль сыграли научные и просветительские студенческие кружки в политической карьере их наиболее выдающихся членов. В той или иной степени кружки служили местом формирования общественно-политических связей будущих деятелей консервативного, либерального, революционного лагерей, а также национальных политических элит. Для студентов разных взглядов научные организации служили местом обретения единомышленников. Наиболее ярким примером в данном случае может служить история Научно-литературного общества.

Для организаторов национальных кружков, как и для студентов-революционеров научная и просветительская деятельность была неотделима от политической борьбы. Борьба за собственный язык, культуру неминуемо подталкивала их к выступлениям против самодержавия. Студенты, сторонившиеся революционной деятельности, заявляли об аполитичности организуемых ими научных обществ. Вместе с этим необходимо отметить, что аполитичность, которая должна быть главной характеристикой университетской жизни, понималась разными кружками (и разными преподавателями) по-разному. Студенты-революционеры рассматривали аполитичность как проявление реакционности и пассивное соглашательство. Кружок Ольденбурга считал непозволительным участие студентов в революционном движении, но допускал проявление либеральных взглядов. В «Кружке русских историков» полагали, что в университете нет места ни либеральной, ни революционной фронде и по общей характеристике воззрений своих участников он может быть отнесен к консервативному лагерю (т.е. к тем, кто не выступал против самодержавия). Таким образом, декларируемая членами научных кружков цель – «быть вне политики» – являлась во многом фиктивной, поскольку даже форма подобной «декларации» на деле отражала приверженность той или иной идеологии. Это позволяет объяснить, почему все вожаки «аполитичного» кружка Ольденбурга в итоге стали активными членами либеральной кадетской партии.

При этом связи, обретенные в кружках, также играли большую роль в будущей общественно-политической карьере студентов. В этом смысле очевидно, что правительственная инициатива, направленная на создание неполитической, «научной» альтернативы нелегальным студенческим организациям, не только полностью провалилась, но и дала эффект, противоположный ожидаемому. В это же время организации, созданные студентами «снизу», по собственной инициативе, куда успешнее справлялись с поддержанием идеологической «линии», то есть приверженцы революционной борьбы преуспели в поиске и объединении сторонников, кружок Ольденбурга и «Кружок русских историков» успешно занимались научной деятельностью, оставаясь вне политики и не допуская радикалов в свои ряды.

Таким образом, функции и задачи студенческих сообществ, даже будучи закреплёнными документально, могли меняться в зависимости от приоритетов их лидеров. При этом деятельность научных кружков, не замыкаясь исключительно на академических целях, послужила началом политической карьеры для многих их членов.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-5118.2018.6 (Высшая школа Российской империи как центр формирования политических элит (1884–1917 гг.).

1. МЕЛЬГУНОВ С. П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М. 1904.
2. ГЕОРГИЕВСКИЙ А. И. Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб. 1890.
3. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб. 1902.
4. ЩЕТИНИНА Г. И. Университеты России и устав, 1884 г. М. 1976.
5. ВОЛК С. С. Народная воля. 1879–1882. М. – Л. 1966; КАЗАКЕВИЧ Р. А., МАНДЕЛЬ С. З. Научная и культурно-просветительная деятельность прогрессивного студенчества 80-х годов XIX в. Л. 1967; ЖУЙКОВА Р. Г. Революционные студенческие кружки С. – Петербургского университета 80-х годов XIX века. В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 2. Л. 1968, с. 41–51.
6. См. напр.: BROWER D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tharist Russia. Ithaca-N.Y. 1975; KASSOW S. D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley. 1989.
7. ВАХРОМЕЕВА О. Б. Студенческое «научно-литературное общество» при Петербургском университете в 1880-х гг. В кн.: Материалы XXX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Секция истории филологического факультета. СПб. 2001, с. 17–22.
8. ЗАВЬЯЛОВ Д. А. Студенческие научные общества в конце XIX – начале XX вв.: Дисс. канд. ист. наук. СПб. 2006.
9. ИВАНОВ А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М. 2004.
10. ОЛЕСИЧ Н. Я. Господин студент Императорского С. – Петербургского университета. СПб. 1998.
11. РОСТОВЦЕВ Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть. М. 2017.
12. BALZER H. The problem of Professions in Imperial Russia. In: Between Tzar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. West. Princeton, NJ. 1991, p. 183–198; MORRISSEY S. K. Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism. N.Y. 1998; МАРУЕР Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М. 2015.
13. [ЖУКОВСКИЙ Я. Е. Желательное положение студентов]. Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (РО ИРЛИ РАН), ф. 341, оп. 1, д. 200, л. 24 об.—25.
14. КОРНИЛОВ А. А. Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга. – Русская мысль. 1916, август, № 8, с. 49–86.
15. РОСТОВЦЕВ Е. А. Ук. соч., с. 336.
16. [Министр народного просвещения И. Д. Делянов – Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа И. П. Новикову 7 декабря 1885 г. № 369]. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 149, д. 827, л. 591–591об.
17. МАЛИНОВ А. В. Петербургский славянофил Орест Фёдорович Миллер. – Вече. 2016, № 28, с. 163–165.

18. КАЗАКЕВИЧ Р.А., МАНДЕЛЬ С. З. Ук. соч., с. 63.
19. Там же, с. 26–27.
20. ГАЛИМЗЯНОВА Е. А. Федор Ольденбург и его друзья: у истоков Приютинского Братства. – Вестник МГУ. Серия.8. 2015, № 3, с. 69.
21. ШАХОВСКОЙ Д. И. Письма о Братстве. – Звенья: Исторический альманах. М. – СПб. 1992, вып. 2, с. 186.
22. ЛЕВАНДОВСКИЙ А. А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А. А. Корнилов. М. 1982, с. 10–13; КАГАНОВИЧ Б.С. С. Ф. Ольденбург: опыт биографии. СПб. 2006, с. 14–19; ВОРОНКОВА И.Е. Д. И. Шаховской. Жизнь, отданная людям. М. 2007, с. 13–21.
23. См. подробнее: ЕРЕМЕЕВА С. А. Приютинское братство как феномен интеллектуальной культуры России последней трети XIX – первой половины XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 2007; КАГАНОВИЧ Б.С. О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютина братства». В кн.: Русская эмиграция до 1917 г. – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб. 1997, с. 90–103.
24. РОСТОВЦЕВ Е. А. Ук. соч., с. 335–336.
25. РОМАНОВА Н.М., МИХАЙЛОВА В. В. Национальные общества Санкт-Петербурга XVIII–XXI вв. СПб. 2004, с. 64.
26. ВОЛЧЕК Г., ВОЙНОВ В. Курнатовский. М. 1961, с. 23–24.
27. ДРИБИН Л. Знаменосец ленинизма в Латвии. Очерк жизни и деятельности П. И. Стучки. М. 1981, с. 14; ДАУГЕ П., РАЙНИС И. Певец борьбы, солнца и любви. М. 1920, с. 19–20.
28. Цит. по: КРАУЛИНЬ Л. Ян Райнис. М. 1957, с. 21.
29. Там же, с. 28.
30. ОКУЛОВА Е. Виктор Константинович Курнатовский. М. 1948, с. 3.
31. МОРШАНСКАЯ М. В. К. Курнатовский. Л. 1926, с. 12.
32. ИСАКОВ С. Г. Эстонские общества и организации в Петербурге в XIX – первые годы XX в. и их культурно-просветительная деятельность. – Россия и Балтия. М. 2004, вып. 3, с. 176.
33. [Студент Ганс Антонович Эрьяпеа]. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 14, оп. 3, д. 27 142, л. 75.